

Стратегическая оценка конкурентных преимуществ регионов России для создания открытых диффузных агломераций

Середюк И. В.

Администрация Правительства Кемеровской области — Кузбасса, Кемерово, Российская Федерация; Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация; seriv009@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье предлагается методический подход для оценки конкурентных преимуществ, определения степени готовности регионов к созданию нового типа агломераций — открытых диффузных агломераций. Потребность в развитии открытых диффузных агломераций обусловлена требованиями теории стратегии, методологии стратегирования использовать новые асимметричные подходы для получения прорывных результатов.

Цель — разработать и апробировать методический подход к комплексной оценке конкурентных преимуществ регионов России для создания открытых диффузных агломераций.

Методы. Исследование базируется на общей теории стратегии, методологии стратегирования академика В. Л. Квинта, теории конкурентных преимуществ М. Портера. Используются методы дескриптивной статистики, корреляционного анализа, рейтинговых оценок (с аддитивной и мультипликативной сверткой отдельных показателей), кластерный анализ.

Результаты. Конкурентные преимущества региона для создания и развития открытых диффузных агломераций целесообразно оценивать по показателям демографической и экономической плотности, урбанизации, пространственной концентрации населения и экономической деятельности, плотности и качеству дорог. По результатам рейтинговых оценок и кластерного анализа Кемеровская область — Кузбасс находится в числе лидирующих регионов России по готовности к созданию открытых диффузных агломераций. Наиболее выражены такие конкурентные преимущества, как высокий уровень урбанизации, невысокая степень пространственной концентрации населения и экономической активности, хорошее качество автомобильных дорог.

Выводы. Кемеровская область — Кузбасс имеет акцентированные конкурентные преимущества для формирования открытых диффузных агломераций, что позволяет успешно реализовать соответствующий стратегический приоритет развития региона.

Ключевые слова: теория стратегии, методология стратегирования, пространственная организация экономики, Кемеровская область — Кузбасс, кластерный анализ, рейтинги регионов, стратегические приоритеты.

Для цитирования: *Середюк И. В.* Стратегическая оценка конкурентных преимуществ регионов России для создания открытых диффузных агломераций // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 50–63. EDN MBSHSQ

Strategic Assessment of Competitive Advantages of Russian Regions for the Creation of Open Diffuse Agglomerations

Ilya V. Seredyuk

Administration of the Government of the Kemerovo Region — Kuzbass, Kemerovo, Russian Federation; Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation; seriv009@mail.ru

ABSTRACT

The article proposes a methodical approach to assess competitive advantages, determine the degree of readiness of regions to create a new type of agglomerations — open diffuse agglomerations. The need to develop open diffuse agglomerations is due to the requirements of

strategy theory, strategizing methodology to use new asymmetric approaches to obtain breakthrough results.

The aim — to develop and test a methodological approach to a comprehensive assessment of the competitive advantages of Russian regions for the creation of open diffuse agglomerations.

Methods. The study is based on the general theory of strategy, the methodology of strategizing by academician V. L. Kvint, and the theory of competitive advantages by M. Porter. The methods of descriptive statistics, correlation analysis, rating assessments (with additive and multiplicative convolution of individual indicators), and cluster analysis were used.

Results. Competitive advantages of the region for the creation and development of open diffuse agglomerations should be assessed by indicators of demographic and economic density, urbanization, spatial concentration of population and economic activity, density and quality of roads. According to the results of rating assessments, cluster analysis, the Kemerovo Region — Kuzbass is among the leading regions of Russia in terms of readiness to create open diffuse agglomerations. The most pronounced competitive advantages are a high level of urbanization, a low degree of spatial concentration of population and economic activity, good quality of roads.

Conclusions. Kemerovo Region — Kuzbass has clear competitive advantages for the formation of open diffuse agglomerations, which allows for the successful implementation of the corresponding strategic priority for the development of the region.

Keywords: strategy theory, strategizing methodology, spatial organization of the economy, Kemerovo region — Kuzbass, cluster analysis, regional ratings, strategic priorities.

For citation: Seredyuk I. V. Strategic assessment of competitive advantages of Russian regions for the creation of open diffuse agglomerations // Administrative consulting. 2025. N 4. P. 50–63. EDN MBSHSQ

Введение

В условиях геополитической напряженности, частичной деглобализации, фрагментации миропорядка Россия сформулировала и последовательно реализует ряд стратегических приоритетов, которые призваны обеспечить безопасность страны, благополучие граждан. В Стратегии пространственного развития РФ поставлена цель «формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики», в том числе на основе «раскрытия экономического потенциала, обеспечения научно-технологического и инновационного развития городских агломераций... обеспечения приоритетной поддержки в городских агломерациях... проектов высокотехнологических и наукоемких отраслей..., а также творческих (креативных) индустрий...»¹, ряда других мероприятий, связанных с поддержкой агломераций. Данные положения, с одной стороны, отражают стратегическую значимость агломераций, с другой стороны — коррелируют с рядом тезисов Стратегии научно-технологического развития РФ. Данный документ предполагает поддержку регионов-лидеров с высоким потенциалом, дальнейший трансферт технологий, разработку региональных программ развития науки и инноваций².

В Кемеровской области — Кузбассе в рамках реализации Стратегии созданы Северо-Кузбасская, Южно-Кузбасская агломерации. Они являются ключевым инструментом

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358/page/1> (дата обращения: 10.07.2025).

выполнения стратегической цели региона «достижение целевых приоритетов по увеличению численности населения Кузбасса»³. Таким образом, региональные агломерации на уровне Российской Федерации и ее субъектов рассматриваются как важнейшие объекты стратегирования. Это обуславливает актуальность исследования научно-методических основ стратегирования агломераций.

Вопросы стратегирования рассматриваются в ряде работ российских и зарубежных ученых. Академик В. Л. Квинт, признанный в мире лидер стратегической научной школы на базе МГУ имени М. В. Ломоносова указывает, что пионерный системный труд по стратегии принадлежит перу генерала Г. Жомини. Он всесторонне раскрыл принцип концентрации — с перевесом сил нападать на важнейший пункт противника [2, с. 18]. Для этого требуются «предускорительное движение» [2, с. 19] (инициатива, скорость), обоснованный выбор места и времени атаки. Несколько иначе расставлял акценты К. Клаузевиц: «расчет времени и пространства, ... все же не является ни самым трудным, ни самым решающим моментом» [8, с. 56]. Он может быть успешно реализован только при наличии ряда условий: личные качества военного лидера; моральный дух армии, качества народа. К. Клаузевиц делает акцент на не формализуемых, субъективных факторах, которые ограничивают возможность реализовать выстроенную заранее стратегию. На первый план выйдет способность военачальника непреклонно действовать в условиях неопределенности. Тем самым К. Клаузевиц частично критиковал концепцию Г. Жомини, частично — обогащал ее новыми факторами.

Три важные школы бизнес-стратегии XX в. — дизайна, планирования, позиционирования — базировались, по сути, на рациональном подходе Г. Жомини. В их рамках следует отметить труды А. Чандлера по истории стратегии бизнеса [13], метод анализа сильных, слабых сторон, возможностей, рисков К. Эндрюса [12; 20], модель стратегического планирования по И. Ансоффу [1], подход к стратегическому позиционированию, модели конкурентного анализа М. Портера [9] и др. В 1980–1990-х гг. наметился пересмотр представлений данных школ. Показательно название монографии Г. Минцберга — «Взлет и падение стратегического планирования: переосмысление ролей планирования, планов, планировщиков» [21]. По Г. Минцбергу, формализованный стратегический анализ по жестким схемам с последующей реализацией выработанной стратегии невозможен и недостаточен. Стратегу необходимы интуиция, творческий подход, внимание к неколичественной информации, умение действовать в меняющейся обстановке. Г. Минцберг широко известен своей классификацией, где выделено 10 школ стратегии, которые можно объединить в две группы — рациональные (названные выше школы дизайна, планирования, позиционирования) и ограниченно рациональные (школы обучения, культуры, предпринимательства и др.) [22]. Но она была опубликована около 20 лет назад. За это время произошел серьезный пересмотр представлений об экономике, бизнесе, обществе, международной политике и др.

В обзоре П. Дрневича, Д. Махони, Д. Шенделя отмечается определенный кризис стратегических исследований в 2000-х гг., снижение их практической значимости. Происходит замыкание на публикацию статей, анализирующих причинно-следственные связи переменных, так или иначе связанных со стратегическим менеджментом, с помощью сложного экономико-математического моделирования. Но они имеют ограниченный интерес для практиков. Кроме того, результаты деятельности кон-

³ Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 года. Утв. Законом Кемеровской области от 23.12.2020 № 161-03 (в ред. Закона Кемеровской области — Кузбасса от 04.10.2024 г. № 97-03) [Электронный ресурс]. URL: <https://ako.ru/upload/medialibrary/3ae/1xldtamvjuuy9o8de7dzs6z9x0d1wsly/Закон%20№%2097-03.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).

салтинговых фирм закрыты, не могут быть научно осмыслены [17]. Все это усложняет развитие стратегических исследований.

Разумеется, в зарубежных журналах по стратегической тематике рассматривается влияние наиболее актуальных современных вызовов. Здесь можно отметить работы по воздействию ESG-повестки, роста международной напряженности, частичной деглобализации и других трендов на стратегии [11; 14; 19]. Авторы стратегических исследований изучают также использование цифровых технологий в стратегировании [16; 23]. Вместе с тем, эти работы не приводят к какому-либо фундаментальному сдвигу в основах стратегической науки. Например, М. Менц и др. рассматривают воздействие цифровых технологий на такие традиционные категории стратегии, как конкурентное преимущество, выбор сферы деятельности, построение структуры фирмы [15]. Согласно мнению Н. Фосса, П. Клейна, текущие вызовы, при всей их важности, не предполагают изменения сущностных основ стратегической науки [18].

Теория стратегии, методология стратегирования, созданные академиком В. Л. Квинтом, осуществляют синтез рационального и внерационального начал, что приводит к наиболее убедительным результатам [2; 3; 4; 5; 6]. Не ставя задачи целостного анализа фундаментальных трудов В. Л. Квинта, выделим наиболее важные теоретико-методические положения, лежащие в основе данного исследования. Во-первых, это определение основной цели любой стратегии. Как пишет В. Л. Квинт, «конечной целью стратегии является развитие социально-экономической системы, направленное в конечном итоге на повышение качества жизни людей» [6, с. 16]. Причем качество жизни должно пониматься широко — не просто уровень потребления, но и свобода выбора, наличие условий для творчества, самосовершенствования.

Во-вторых, следует отметить такой закон стратегии, как «Закон реализации только и исключительно стратегических приоритетов, обеспеченных конкурентными преимуществами» [5, с. 61–62]. В принципе, представления о конкурентных преимуществах разработаны в стратегической науке, но вне школы теории стратегии, методологии стратегирования понимаются достаточно узко. В трудах В. Л. Квинта конкурентные преимущества рассматриваются не сами по себе, а как определяющие факторы реализации стратегических приоритетов. Это положение крайне важно для разработки методики оценки конкурентных преимуществ объектов стратегирования.

В-третьих, теория стратегии, методология стратегирования ориентируют на использование стратегий новых горизонтов. Правила стратегического мышления В. Л. Квинта предполагают отказ от предсказуемых моделей и сценариев стратегии, разработку асимметричных подходов, поддержку и использование стратегически значимых инноваций [3, с. 34–36]. Следовательно, для стратегирования агломераций необходимо применять нетривиальные подходы, не повторяя то, что уже было сделано конкурентами. Причем в стратегии недопустимо отталкиваться от текущего состояния объекта стратегирования и обыденного здравого смысла, инерционного мышления большинства людей [3, с. 36–38].

Использование фундаментальной теоретико-методической базы теории стратегии, методологии стратегирования позволило предложить и обосновать идею о создании открытых диффузных агломераций как агломераций нового типа, не повторяющих традиционные, стандартные подходы. Это «новый тип агломерации, отличающийся объединением всей территории региона или нескольких его частей», что «обеспечивает подключение всех муниципальных образований к возможностям, положительным эффектам агломерации». Наряду с этим «пространственное неравенство, неоднородность диффузной агломерации используются для стимулирования полупериферии, периферии» [10, с. 434]. В дальнейшем было показано соответствие открытых диффузных агломераций глобальным, национальным, региональным трендам, различным «окнам возможностей» [7].

Однако теория стратегии, методология стратегирования академика В. Л. Квинта требует после анализа внешних трендов, прогнозов, проводить оценку внутренней среды объекта управления, где центральное место занимает выявление конкурентных преимуществ. Таким образом, **цель исследования** — разработать и апробировать методический подход к комплексной оценке конкурентных преимуществ регионов России для создания открытых диффузных агломераций.

Материалы и методы

Работа базируется на теории стратегии, методологии стратегирования академика В. Л. Квинта, также учитывались теория конкурентных преимуществ М. Портера, требования системного подхода. В качестве конкретных методов эмпирического исследования использованы дескриптивная статистика, корреляционный анализ, рейтинговые оценки (основанные на аддитивной, мультипликативной свертке показателей), кластерный анализ. Эмпирические данные получены из материалов Росстата⁴.

Возможности формирования и развития открытых диффузных агломераций обусловлены такими конкурентными преимуществами региона, как: более высокая демографическая и экономическая плотность, насыщенная сеть населенных пунктов, урбанизация, уровень развития дорожной сети. Поэтому использованы следующие количественные показатели (переменные), отражающие наличие конкурентных преимуществ:

1. Плотность населения, чел. на 1 км² (X_1) — отражает насыщенность территории региона людьми, населенными пунктами, что создает благоприятные условия для дальнейшего развития густой сети поселений различного типа, интенсификации связей.
2. Плотность экономической деятельности, тыс. руб. ВРП на 1 км² (X_2) — показывает степень пространственной концентрации создания добавленной стоимости. Более высокая плотность способствует дальнейшему развитию межмуниципальных экономических связей в силу расширения объемов производства, сбыта, взаимной торговли в границах региона. Чем больший объем добавленной стоимости создается на каждом квадратном километре территории региона, тем выше вероятность налаживания связей между предприятиями разных муниципальных образований.
3. Уровень урбанизации (доля городского населения), процентов (X_3) — более высокий удельный вес городского населения позитивно влияет на опережающее развитие крупных центров с последующей диффузией положительных эффектов на периферию. Также он создает больше возможностей для взаимодействия между разными населенными пунктами вследствие производства широкого спектра товаров и услуг именно в городах. Напротив, по преимуществу сельские территории с аграрной экономикой имеют ограниченный потенциал для развития межмуниципальных связей.
4. Пространственная деконцентрация населения (X_4) — величина, равная 100% за вычетом удельного веса крупнейшего муниципального образования региона в общей численности населения, процентов.
5. Пространственная деконцентрация экономической деятельности (X_5) — величина, равная 100% за вычетом удельного веса крупнейшего муниципального образования в общей выручке по региону, процентов.

Характерная для многих регионов России высокая концентрация жителей и экономической активности не способствует развитию открытых диффузных агломе-

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. М. : Росстат, 2024.

раций вследствие жесткого доминирования единственного города, а также практически одностороннего действия центростремительных сил. Для того чтобы сохранить логику отражения в методике именно сильных сторон, переменные X_4 и X_5 разработаны не как показатели концентрации, а как показатели децентрации.

6. Плотность железнодорожных путей, км на 10 тыс. км² (X_6).

7. Плотность автодорог, км путей на 1 тыс. км² (X_7).

8. Удельный вес автодорог, соответствующих нормативным требованиям, процентов (X_8).

Более высокая плотность транспортных сетей, их лучшее качество напрямую способствуют активизации внутренних связей между населенными пунктами открытой диффузной агломерации.

В исследовании не рассматривались Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, так как они являются отдельными городами. Соответственно, Республика Крым, Ленинградская область, Московская область также не были включены в анализ. Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область не анализировались вследствие отсутствия официальных статистических данных на момент выполнения исследования. Автономные округа учитывались в составе соответствующих субъектов РФ. Таким образом, в исследовании рассматриваются 76 регионов.

Результаты и обсуждение

В табл. 1 представлена матрица парных коэффициентов корреляции, предназначенная для проверки мультиколлинеарности переменных, сокращения информационной избыточности. Коэффициенты корреляции, статистически значимые на уровне 5% и 1% отмечены знаками «*» и «**» соответственно.

Из представленных в табл. 1 данных видно, что наблюдается очень сильная связь между X_1 и X_7 . Автодорожная сеть непосредственно обслуживает потребности людей, следовательно, большая концентрация жителей в расчете на единицу площади обуславливает и более высокую плотность автодорог. Поэтому переменную X_7 можно исключить из последующего анализа. Также она имеет довольно высокую корреляцию с плотностью экономической деятельности. Наряду с этим наблюда-

Таблица 1

Матрица парных коэффициентов корреляции для переменных X_1 – X_8

Table 1. Matrix of pairwise correlation coefficients for variables X_1 – X_8

	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8
X_1	1,000	0,717*	–0,345	0,303	0,224	0,521	0,930**	–0,131
X_2		1,000	–0,031	0,232	0,233	0,701*	0,720*	0,136
X_3			1,000	–0,401	–0,115	0,033	–0,383	0,303
X_4				1,000	0,592	0,098	0,311	–0,150
X_5					1,000	0,131	0,273	0,013
X_6						1,000	0,629	0,240
X_7							1,000	–0,030
X_8								1,000

Источник: рассчитано автором по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. М.: Росстат, 2024.

ется сильная корреляционная связь между плотностью населения и плотностью экономической деятельности. Это соответствует известным представлениям об эффектах агломерации и концентрации производительных сил. Плотность экономической деятельности и насыщенность территории региона железнодорожными путями также сильно коррелируют. Данная взаимосвязь обусловлена потребностью в развитой транспортной сети при более значительном объеме ВРП на единицу площади для последующего вывоза готовой продукции.

Однако для получения более полной оценки все указанные переменные, кроме X_7 , будут использоваться в дальнейшем анализе. Deskриптивная статистика переменных X_1 – X_6 , X_8 , а также их значения по Кемеровской области — Кузбассу приведены в табл. 2. Первичная оценка конкурентной позиции и преимуществ региона должна учитывать разный тип распределения значений показателей. Как видно из данных табл. 2, переменные X_1 , X_2 распределены не по нормальному закону. Об этом свидетельствуют высокие значения моментных коэффициентов асимметрии, наличие правосторонней асимметрии, существенные различия средней арифметической и медианы.

Показатели плотности населения и экономической деятельности имеют наибольшие различия. В частности, на большую неоднородность совокупности указывают значения коэффициентов вариации, близкие к 90–100%. Это обусловлено

Таблица 2

Дескриптивная статистика показателей, используемых при оценке готовности и конкурентных преимуществ региона в развитии открытых диффузных агломераций

Table 2. Descriptive statistics of indicators used in assessing the readiness and competitive advantages of a region in the development of open diffuse agglomerations

Показатель	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_8
Наблюдаемые значения для Кемеровской области — Кузбасса	26,62	22,87	86,5	78,62	61,20	175	79,93
Простая средняя арифметическая	27,72	15,08	69,73	62,29	36,69	143	54,78
Медиана	21,74	12,60	71,10	61,51	33,40	129	58,65
Максимум	170,1	61,64	96,5	80,69	79,48	442	98,58
Минимум	0,07	0,20	30,8	28,94	10,07	0,00	0,00
Среднее линейное отклонение	20,92	0,33	9,06	8,09	12,57	82,61	18,01
Дисперсия	819,4	183,6	141,6	103,20	226,4	9927,5	476,5
Среднее квадратическое отклонение	28,44	13,55	11,90	10,16	15,05	99,64	21,83
Коэффициент вариации, процентов	102,6	89,89	17,06	16,31	41,01	69,71	39,85
Моментный коэффициент асимметрии	2,02	1,36	–0,83	–0,45	0,56	0,51	–0,50
Эксцесс	6,55	1,84	1,10	0,45	–0,29	–0,17	–0,56

Источник: рассчитано автором по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. М. : Росстат, 2024.

исключительно высоким разбросом наблюдаемых значений по регионам (в десятки и даже сотни раз). При такой вариации показателей целесообразно для характеристики совокупности регионов и сравнений Кемеровской области — Кузбасса с другими субъектами РФ использовать медиану. Распределение остальных переменных в большинстве случаев близко к нормальному, имеет по преимуществу симметричный характер. Максимальные и минимальные значения отличаются, как правило, несколько меньше (кратно, но не на порядок). Вариация значений переменных X_3 – X_6 , X_8 также существенно ниже, следовательно, релевантными для их сравнений являются и средняя арифметическая, и медиана.

Поэтому для первоначального определения стратегической позиции Кемеровской области — Кузбасса в развитии открытых диффузных агломераций целесообразно использовать для сравнения медианы показателей (рис. 1).

Данные рис. 1 свидетельствуют, что все показатели Кемеровской области — Кузбасса находятся выше медианных значений совокупности регионов России. Это указывает на наличие сильных сторон и конкурентных преимуществ для развития открытых диффузных агломераций. Кемеровская область — Кузбасс имеет такие преимущества, как высокая урбанизация, низкая пространственная концентрация населения и экономической активности в единственном центре, хорошее качество автомобильных дорог. Эти условия благоприятствуют развитию полицентричного пространства, насыщенного центрами и осями роста, что обеспечивает диффузию инноваций, спроса, предпринимательской активности. Вместе с тем по плотности экономической деятельности Кемеровская область — Кузбасс занимает более скромное место. По плотности населения и железнодорожных путей позиция Кемеровской области — Кузбасса ближе к середине ряда распределения. Однако

Рис. 1. Сравнение показателей, используемых при оценке готовности и конкурентных преимуществ региона для развития открытых диффузных агломераций

Fig. 1. Comparison of indicators used in assessing the readiness and competitive advantages of a region for the development of open diffuse agglomerations

Источник: составлено автором.

важнее, что регион уже имеет опорный каркас для диффузных открытых агломераций — диверсифицированную в пространстве структуру расселения, экономической деятельности, плотную сеть населенных пунктов, связанных автодорогами высокого качества.

Это серьезное конкурентное преимущество по сравнению с большинством регионов России, где доминирует единственный город с удельным весом в населении и выручке предприятий около 40–50% и более. Такая концентрация экономической активности, поляризация каркаса расселения ведут к одностороннему характеру взаимодействий не в пользу остальных муниципальных образований. Опорный каркас открытых диффузных агломераций на основе интенсивного развития можно затем «догружать» выпуском дополнительных объемов ВРП на единицу площади и, при определенных условиях, увеличивать плотность и численность жителей. В большинстве других субъектов РФ в пространстве доминирует единственный центр, что указывает на недостаток у них конкурентных преимуществ для создания открытых диффузных агломераций.

Поскольку развитие открытых диффузных агломераций возможно далеко не во всех субъектах РФ вследствие ограниченности конкурентных преимуществ, иных неблагоприятных факторов, для принятия обоснованных решений необходима также их стратегическая классификация по готовности к формированию открытых диффузных агломераций. Методической основой классификации регионов являются в первую очередь рейтинги. Для получения рейтинговых оценок использовались аддитивная и мультипликативная свертки показателей X_1 – X_6 , X_8 . В полном объеме результаты рейтинговых оценок не приводятся вследствие ограниченного объема статьи. В табл. 3 представлены фрагменты рейтингов, отражающие итоговые баллы 10 лидеров и аутсайдеров.

Таблица 3

Фрагменты рейтингов регионов по готовности и конкурентным преимуществам для развития открытых диффузных агломераций

Table 3. Fragments of regional ratings by readiness and competitive advantages for the development of open diffuse agglomerations

Рейтинг по методу аддитивной свертки			Рейтинг по методу мультипликативной свертки		
Место	Регион	Балл	Место	Регион	Балл
1	Республика Татарстан	4,608	1	Белгородская область	0,03735
2	Белгородская область	4,597	2	Тульская область	0,03269
3	Тульская область	4,422	3	Республика Татарстан	0,03058
4	Владимирская область	4,344	4	Владимирская область	0,02268
5	Краснодарский край	4,280	5	Краснодарский край	0,01931
6	Кемеровская область — Кузбасс	4,277	6	Калининградская область	0,01620
7	Калининградская область	4,212	7	Кемеровская область — Кузбасс	0,01110
8	Калужская область	3,956	8	Калужская область	0,01087
9	Республика Ингушетия	3,875	9	Самарская область	0,01075

Рейтинг по методу аддитивной свертки			Рейтинг по методу мультипликативной свертки		
Место	Регион	Балл	Место	Регион	Балл
10	Самарская область	3,828	10	Челябинская область	0,00855
67	Чукотский автономный округ	1,961	61–71	Республика Бурятия	0,00000...
68	Республика Алтай	1,953	61–71	Республика Калмыкия	0,00000...
69	Еврейская автономная область	1,835	61–71	Астраханская область	0,00000...
70	Астраханская область	1,758	61–71	Хабаровский край	0,00000...
71	Республика Тыва	1,732	61–71	Республика Саха (Якутия)	0,00000...
72	Томская область	1,694	72–76	Республика Алтай	0,00000
73	Хабаровский край	1,676	72–76	Республика Тыва	0,00000
74	Республика Бурятия	1,527	72–76	Камчатский край	0,00000
75	Республика Калмыкия	1,396	72–76	Магаданская область	0,00000
76	Магаданская область	1,114	72–76	Чукотский автономный округ	0,00000

Источник: составлено автором.

Данные табл. 3 показывают достаточно высокое соответствие результатов рейтингов. В группе лидеров совпадают 9 из 10 регионов. Группа аутсайдеров также близка по составу. При этом в рейтинге, рассчитанном на базе аддитивной свертки, Кемеровская область — Кузбасс занимает шестое место, а на базе мультипликативной свертки — седьмое место. Лишь несколько субъектов РФ обладают лучшими условиями, более выраженными конкурентными преимуществами для развития открытых диффузных агломераций. Причем все они расположены в европейской части страны.

Наряду с рейтинговыми оценками с целью многомерной классификации регионов по конкурентным преимуществам для развития открытых диффузных агломераций был использован кластерный анализ. Его достоинством является возможность более глубокого, менее формализованного анализа сходств и различий групп объектов. В связи с наличием большого количества объектов наблюдения использовался метод k -средних. Рассматривались варианты с выделением трех, четырех, пяти, шести и семи кластеров. В соответствии со значениями статистики ANOVA и конечных расстояний между центрами кластеров наиболее удачным является вариант с выделением четырех групп. Соответствующее ему распределение регионов по кластерам показано в табл. 4.

Значения конечных центров кластеров представлены на рис. 2. Их нельзя интерпретировать как средние или типичные показатели для входящих в кластеры объектов. Однако по данным рис. 2 можно провести сравнение кластеров. Как видно из данных рис. 2, ни один из кластеров не превосходит другие по всему кругу показателей. По четырем показателям из восьми лидирует первый кластер, в который входят только 10 субъектов РФ, большинство из которых занимает верхние позиции

Распределение регионов России по кластерам, отражающее наличие конкурентных преимуществ для развития открытых диффузных агломераций

Table 4. Distribution of Russian regions by clusters, reflecting the presence of competitive advantages for the development of open diffuse agglomerations

Кластер	Регионы
Первый	Калининградская область, Тульская область, Курская область, Владимирская область, Липецкая область, Брянская область, Краснодарский край, Калужская область, Белгородская область, Самарская область
Второй	Орловская область, Рязанская область, Чувашская Республика, Воронежская область, Саратовская область, Смоленская область, Тверская область, Тамбовская область, Новгородская область, Республика Мордовия, Республика Адыгея, Челябинская область, Псковская область, Пензенская область, Ростовская область, Ульяновская область, Удмуртская Республика, Свердловская область, Ярославская область, Кемеровская область — Кузбасс
Третий	Чеченская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Ивановская область, Нижегородская область, Волгоградская область, Еврейская автономная область, Ставропольский край, Республика Татарстан, Астраханская область, Республика Ингушетия, Оренбургская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан
Четвертый	Республика Карелия, Республика Хакасия, Костромская область, Курганская область, Республика Башкортостан, Пермский край, Сахалинская область, Приморский край, Алтайский край, Кировская область, Новосибирская область, Амурская область, Республика Марий Эл, Мурманская область, Забайкальский край, Вологодская область, Омская область, Республика Коми, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Бурятия, Иркутская область, Архангельская область, Хабаровский край, Республика Калмыкия, Тюменская область, Томская область, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Республика Алтай, Камчатский край, Магаданская область, Республика Тыва, Чукотский автономный округ

Источник: составлено автором.

в рассмотренных выше рейтингах. Это регионы европейской части страны, в большинстве своем находящиеся в центре России, они давно и плотно заселены, имеют сравнительно диверсифицированную экономику. Ни один из них не относится к регионам ресурсного типа, зависящим от добычи и экспорта сырья.

Кемеровская область — Кузбасс находится во втором кластере, где также доминируют несырьевые регионы европейской части страны. Данный кластер лидирует по урбанизации, качеству автомобильных дорог, что коррелирует с выделенными выше преимуществами Кемеровской области — Кузбасса. По пространственной децентрации населения, экономической деятельности второй кластер в целом сопоставим с другими. К слабым сторонам можно отнести меньшую плотность железнодорожных путей и населения. Таким образом, результаты оценки конкурентных преимуществ разными методами дают близкие результаты и подтверждают целесообразность создания открытых диффузных агломераций в Кемеровской области — Кузбассе в силу ее конкурентных преимуществ.

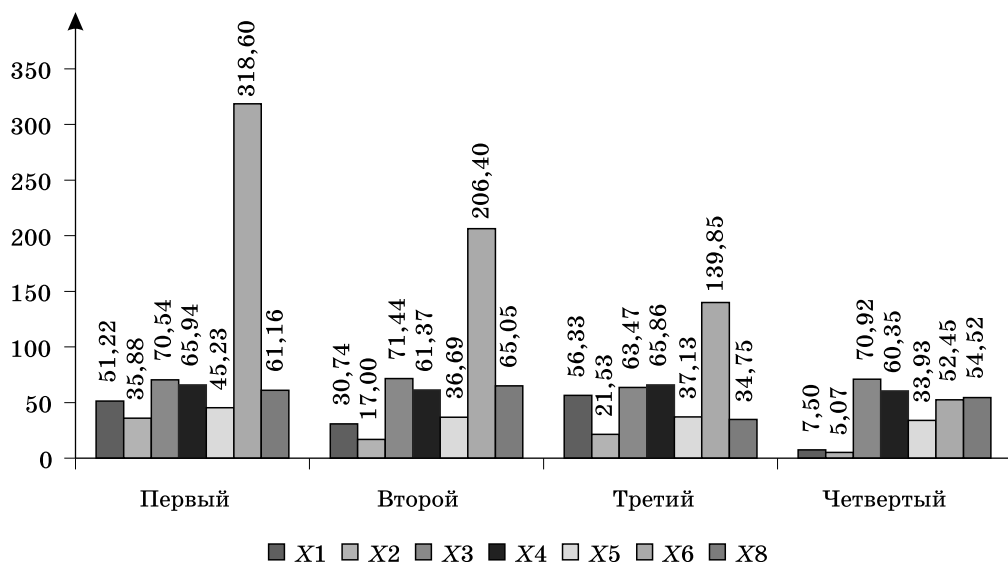

Рис. 2. Значения итоговых центров кластеров
Fig. 2. Values of the final cluster centers

Источник: составлено автором.

Заключение

В работе представлен и апробирован методический подход к оценке готовности региона к развитию открытых диффузных агломераций. Он включает подбор релевантных показателей, отражающих конкурентные преимущества, сравнительный межрегиональный анализ, построение рейтингов, кластерный анализ. По всему кругу показателей конкурентных преимуществ значения Кемеровской области — Кузбасса выше медианных для совокупности регионов России. По урбанизации, пространственной деконцентрации населения, экономической активности, состоянию автодорог Кемеровская область — Кузбасс занимает лидирующие позиции в общероссийском масштабе. Хотя по плотности населения, экономической деятельности регион не входит в число лидеров, уже существует опорный каркас для развития открытых диффузных агломераций — полицентричная насыщенная сеть населенных пунктов с высокой транспортной связностью.

Рейтинговые оценки показали, что по наличию конкурентных преимуществ для создания открытых диффузных агломераций Кемеровская область — Кузбасс занимает 6–7 место в стране в целом. Кластерный анализ методом *k*-средних дал сходные результаты, подтвердив наличие серьезных конкурентных преимуществ, связанных с урбанизацией, качеством автомобильных дорог. Кроме того, регион имеет значительный опыт использования прогрессивных форм пространственной организации экономики. Это позволяет утверждать, что стратегический приоритет развития открытых диффузных агломераций в Кемеровской области — Кузбассе в достаточной степени обеспечен конкурентными преимуществами и может быть успешно реализован.

Литература

1. Ансофф И. Стратегическое управление. М. : Экономика, 1989.
2. Квинт В. Л. К истокам теории стратегии. 200-летие издания теоретической работы генерала Жомини. СПб. : ИПЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2017.

3. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. В 2 т. Т. 1. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019.
4. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. В 2 т. Т. 2. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2020.
5. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2022. DOI 10.21603/978-5-8353-2562-7.
6. Квинт В. Л. Стратегирование в России и в мире: ставка на человека // Экономика и управление. 2014. № 11. С. 15–17.
7. Квинт В. Л., Середюк И. В. Стратегическая оценка соответствия открытых диффузных агломераций глобальным, национальным и региональным трендам (на примере агломераций Кемеровской области — Кузбасса) // Экономика промышленности. 2025. Т. 18, № 1. С. 7–23. DOI 10.17073/2072-1633-2025-1-1435.
8. Клаузевиц К. Принципы ведения войны. М. : ЗАО «Центрполиграф», 2009.
9. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007.
10. Середюк И. В. Стратегический потенциал создания открытых диффузных агломераций региона и особенности их стратегирования // Стратегирование: теория и практика. 2024. Т. 4, № 4. С. 420–437. DOI 10.21603/2782-2435-2024-4-4-420–437.
11. Adarkwah G. K., Dorobantu S., Sabel C. A., Zijl F. Geopolitical volatility and subsidiary investments // Strategic Management Journal. 2024. Vol. 45, N 11. P. 2275–2306. DOI 10.1002/smj.3631.
12. Andrews K. R. Can the best corporations be made moral? // Harvard Business Review. 1971. Vol. 51, N 3. P. 57–64.
13. Chandler A. D. Strategy and structure: chapters in the history of the American industrial enterprise. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1969.
14. Choudhury A., Jandhyala S., Nandkumar A. Economic nationalism and the home court advantage // Strategic Management Journal. 2025. Vol. 46, N 1. P. 242–272. DOI 10.1002/smj.3658.
15. Corporate strategy and the theory of the firm in the digital age / M. Menz et al. // Journal of Management Studies. 2021. Vol. 58, N 7. P. 1695–1720. DOI 10.1111/joms.12760.
16. Doshi A. R., Bell J. J., Mirzayev E., Vanneste B. S. Generative artificial intelligence and evaluating strategic decisions // Strategic Management Journal. 2025. Vol. 46, N 3. P. 583–610. DOI 10.1002/smj.3677.
17. Drnevich P. L., Mahoney J. T., Schendel D. Has strategic management research lost its way? // Strategic Management Review. 2020. Vol. 1, N 1. P. 37–55. DOI 10.1561/111.000000004.
18. Foss N. J., Klein P. G. Do we need a “New Strategy Paradigm”? // Journal of Management Studies. 2025. Vol. 62, N 2. P. 986–1002. DOI 10.1111/joms.13081.
19. Kim J. H., Kwak J., Park H.-K. ESG as a nonmarket strategy to cope with geopolitical tension: Empirical evidence from multinationals’ ESG performance // Strategic Management Journal. 2025. Vol. 46, N 3. P. 693–722. DOI 10.1002/smj.3671.
20. Learned E. P., Christensen C. R., Andrews K. R., Guth W. D. Business Policy: Text and Cases. Homewood: Richard D. Irwin Inc., 1965.
21. Mintzberg H. The Rise and fall of Strategic Planning: Reconceiving Roles for Planning, Plans, Planners. New York: The Free Press, 1994.
22. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. Strategy Safari: a Guide Tour through the Wilds of Strategic Management. New York: Simon & Schuster, Inc., 2005.
23. Rathje J., Katila R., Reineke P. Making the most of AI and machine learning in organizations and strategy research: Supervised machine learning, causal inference, and matching models // Strategic Management Journal. 2024. Vol. 45, N 10. P. 1926–1953. DOI 10.1002/smj.3604.

Об авторе:

Середюк Илья Владимирович, губернатор Кемеровской области — Кузбасса, преподаватель кафедры стратегии отраслевого и регионального развития Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация); seriv009@mail.ru

References

1. Ansoff I. Strategic Management. Moscow: Economica, 1989. (In Russ.).
2. Kvint V. L. To the Origins of the Theory of Strategy. 200th Anniversary of the Publication of the Theoretical Work of General Jomini. St. Petersburg: NWIM — branch of RANEPa, 2017. (In Russ.).
3. Kvint V. L. The Concept of Strategizing. In 2 vol. Vol. 1. St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2019. (In Russ.).

4. Kvint V.L. The Concept of Strategizing. In 2 vol. Vol. 2. St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2020. (In Russ.).
5. Kvint V.L. The Concept of Strategizing. Kemerovo: Kemerovo State University, 2022. DOI 10.21603/978-5-8353-2562-7. (In Russ.).
6. Kvint V.L. Strategic Planning in Russia and the World: Importance of Human Interactions // Economics and Management [Ekonomika i upravleniye]. 2014. N 11. P. 15–17. (In Russ.).
7. Kvint V.L., Seredyuk I.V. Strategic assessment of the compliance of open diffuse agglomerations with global, national and regional trends (Kemerovo region — Kuzbass agglomerations case study) // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2025. Vol. 18. N 1. P. 7–23. DOI 10.17073/2072-1633-2025-1-1435. (In Russ.).
8. Clausewitz K. Principles of Warfare. Moscow: Tsentrpoligraf, 2009. (In Russ.).
9. Porter M. Competitive Strategy. Methodology of Analysis of Industries and Competitors. Moscow: Alpina Business Books, 2007. (In Russ.).
10. Seredyuk I.V. Open Diffuse Regional Agglomerations: Strategic Potential and Strategizing // Strategizing: Theory and Practice [Strategirovanie: teoriya i praktika]. 2024. Vol. 4. N 4. P. 420–437. DOI 10.21603/2782-2435-2024-4-4-420-437. (In Russ.).
11. Adarkwah G. K., Dorobantu S., Sabel C. A., Zilja F. Geopolitical volatility and subsidiary investments // Strategic Management Journal. 2024. Vol. 45. N 11. P. 2275–2306. DOI 10.1002/smj.3631.
12. Andrews K. R. Can the best corporations be made moral? // Harvard Business Review. 1971. Vol. 51. N 3. P. 57–64.
13. Chandler A. D. Strategy and structure: chapters in the history of the American industrial enterprise. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1969.
14. Choudhury A., Jandhyala S., Nandkumar A. Economic nationalism and the home court advantage // Strategic Management Journal. 2025. Vol. 46. N 1. P. 242–272. DOI 10.1002/smj.3658.
15. Corporate strategy and the theory of the firm in the digital age / M. Menz et al. // Journal of Management Studies. 2021. Vol. 58, N 7. P. 1695–1720. DOI 10.1111/joms.12760.
16. Doshi A. R., Bell J. J., Mirzayev E., Vanneste B. S. Generative artificial intelligence and evaluating strategic decisions // Strategic Management Journal. 2025. Vol. 46. N 3. P. 583–610. DOI 10.1002/smj.3677.
17. Drnevich P. L., Mahoney J. T., Schendel D. Has strategic management research lost its way? // Strategic Management Review. 2020. Vol. 1. N 1. P. 37–55. DOI 10.1561/111.000000004.
18. Foss N. J., Klein P. G. Do we need a “New Strategy Paradigm”? // Journal of Management Studies. 2025. Vol. 62. N 2. P. 986–1002. DOI 10.1111/joms.13081.
19. Kim J. H., Kwak J., Park H.-K. ESG as a nonmarket strategy to cope with geopolitical tension: Empirical evidence from multinationals’ ESG performance // Strategic Management Journal. 2025. Vol. 46. N 3. P. 693–722. DOI 10.1002/smj.3671.
20. Learned E. P., Christensen C. R., Andrews K. R., Guth W. D. Business Policy: Text and Cases. Homewood: Richard D. Irwin Inc., 1965.
21. Mintzberg H. The Rise and fall of Strategic Planning: Reconceiving Roles for Planning, Plans, Planners. New York: The Free Press, 1994.
22. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. Strategy Safari: a Guide Tour through the Wilds of Strategic Management. New York: Simon & Schuster, Inc., 2005.
23. Rathje J., Katila R., Reineke P. Making the most of AI and machine learning in organizations and strategy research: Supervised machine learning, causal inference, and matching models // Strategic Management Journal. 2024. Vol. 45. N 10. P. 1926–1953. DOI 10.1002/smj.3604.

About the author:

Ilya V. Seredyuk, Governor of the Kemerovo Region — Kuzbass, Lecturer of the Department of Industrial and Regional Development Strategy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation); seriv009@mail.ru

Поступила в редакцию: 09.07.2025

Поступила после рецензирования: 20.07.2025

Принята к публикации: 30.07.2025

The article was submitted: 09.07.2025

Approved after reviewing: 20.07.2025

Accepted for publication: 30.07.2025